

— Я не совсем уверен, Узумаки-сама. Мое лучшее предположение состоит в том, что вначале клан гордился печатью, поскольку она защищала нашу чистую родословную от кражи и порчи врагами. Раньше не осознавали последствий и не представляли, что заложили основу для разделения клана на ветви. А к тому времени как пришло осознание — клан уже был поделен. Теперь использование печати — традиция. Многие приняли такой уклад жизни и смирились. Думаю, именно поэтому не многие задумывались об изменении печати. — Предположил он.

Наруто нахмурил брови в глубокой задумчивости.

— Знаете, Узумаки-сама... Вы не первый, кто спрашивает меня об этом. Хината-сама не так давно задавала аналогичный вопрос. — Добавил Хьюга.

Блондин взглянула на него, приподняв бровь.

— Хината-тян? Значит, ей тоже не нравятся нынешние устои?

Хизаши покачал головой.

— Она добрая, ей не нравится иметь слуг, и она надеется, что однажды использование печати будет запрещено.

— Ух ты! Я хотел сказать, что когда стану Хокаге — буду бороться против использования печати и заставлю Хьюга найти другой способ защитить додзюцу! Однако, похоже, все будет намного проще, когда Хината-тян станет следующей главой клана и мы объединим усилия.
— Задумчиво пробормотал Наруто, подперев подбородок и по-лисьи прищулив глаза.

Хизаши приподнял бровь и опустился на колени перед мальчиком, чтобы посмотреть в его ярко-голубые глаза.

— Почему ты решил, что тебя изберут Хокаге?

— Я только начал тренироваться, но собираюсь стать самым сильным шиноби в мире! Я должен это сделать, если хочу защитить своих драгоценных друзей. И когда я стану самым сильным шиноби в деревне, то сразу займу пост Хокаге, верно? Это же естественно. — Наруто ответил так, будто говорил о самой очевидной вещи на свете.

Хьюга мгновенно вспомнил о Четвертом Хокаге.

Он поднял другую бровь... а затем разразился смешком.

Наруто был немного расстроен, увидев, как всегда невозмутимый Хьюга от души хихикает над ним.

Мужчина внезапно взъерошил волосы блондина, к его большому огорчению, и встал с веселой ухмылкой на губах.

— Узумаки-сама, тогда вам придется усердно работать, но я верю, что вы справитесь, пока вас окружают близкие люди и друзья. Мой сын, Неджи, будет невероятно сильным, и когда-нибудь он тоже начнет претендовать на место Хокаге. Вы двое, скорее всего, станете соперниками.

Хизаши хитро ухмыльнулся при виде слегка оскорбленного выражения лица мальчика. Ему определенно не нравилась мысль о том, что кто-то будет таким же сильным как он сам.

— Однако я также очень надеюсь, что вы двое поладите и станете хорошими друзьями.

А теперь мне нужно идти. Не забудь благополучно добраться до дома и хорошо отдохнуть.

— Хизаши закончил, неглубоко поклонившись и повернувшись в направлении башни Хокаге.

— Хизаши-сан, можете сказать, в чем заключается ваша миссия? — Быстро выпалил мальчуган.

Хьюга остановился и заговорил, не оборачиваясь.

— Не могу вдаваться в детали, но скажу, что это делается для защиты близких. Прощай, Узумаки Наруто.

Мальчик наблюдал, как Хьюга исчезает в темноте по направлению к башне Хокаге, чувствуя себя немного неловко.

«Эй... пойдём домой. Здесь нечего делать.» — Внезапно заговорила Курама.

Наруто нахмурился, но пожал плечами и зашагал к своей квартире.

...

Однако Лиса была глубоко погружен в собственные мысли.

«У этого человека были глаза воина, идущего навстречу смерти. Сегодня вечером что-то происходит, но лучше пока не сообщать об этом мальчику. В любом случае, сейчас мы ничего не можем сделать.»

В кабинете Хокаге

Третий сидел за столом, терпеливо ожидая прибытия Хьюги Хиаши.

В комнате с ним присутствовали двое АНБУ — один из них Какаши — и посол Кумо.

В центре кабинета лежал свиток с большим массивом печатей для хранения.

Посол с каждой секундой становился все более нервным. Ведь шиноби Конохи, включая Хокаге, смотрели на него так, словно желали тому немедленной смерти, желательно, как можно болезненнее.

— Я ожидаю сохранности тайны с вашей стороны. Если что-то всплывет на свет, мы будем отрицать все. — Хокаге процедил сквозь стиснутые зубы.

Посол вздрогнул, прежде чем нервно кивнуть.

— Когда вы заберете тело, то подпишете этот документ, в котором заявите, что получили свои так называемые «компенсации» и мы никогда больше не будем говорить об этом. Понятно?

— Продолжил Третий, указывая на лист бумаги на столе. Его взгляд потяжелел.

— П-поверьте, мы тоже хотим сохранить это в тайне. Я подпишу, как только удостоверюсь, что это был Хьюга Хиаши. — Посол попытался укрепить свои позиции и выглядеть более стойко, но потерпел неудачу.

Ему казалось, что прошла вечность под невыносимо внушительным присутствием двух АНБУ и Хокаге, пока дверь кабинета, наконец, не щелкнула и не скрипнула, пропуская внутрь Хьюгу.

Хокаге потребовалось все имеющееся самообладание, чтобы не дрогнуть лицом, несмотря на огромный шок, который испытывал.

АНБУ повезло — на их лицах были маски.

«Что происходит? Почему здесь Хизаши?» — Пронеслось в голове у Хирузена.

Старик без проблем обличил личность близнеца по протектору на лбу.

Хокаге увидел нечто в бледных глазах новоприбывшего, что заставило его подыграть ему.

«Надеюсь он знает, что делает.»

— Вы пришли, господин Хиаши. Вы ведь понимаете, зачем тут, верно? — Нервно спросил посол, облегченно выдохнув.

— Да, я должен умереть и отдать свое тело за «преступление» — убийство одного из ваших «отставных» шиноби «без причины». Давайте просто закончим этот фарс, чтобы мне ни секундой дольше не пришлось иметь дело с тобой, жалкий трус. — «Хиаши» пренебрежительно фыркнул.

Посол ощерился от такого тона и оскорбления, но ничего не сказал, не желая создавать больше проблем, чем необходимо, ведь цель уже маячила у него перед носом.

Затем он достал фотографию настоящего главы клана, чтобы сравнить с лицом «Хиаши». Одна минута, которую посол потратил на изучение и сравнение снимка с человеком, была самой длинной за всю жизнь Хизаши, АНБУ и Хокаге.

— Совпадает. Снимите хитай-ате, и мы продолжим. Уверен, Хокаге-сама предпочел бы оставить знак отличия здесь. — Предложил посол, и в воздухе разлилось небывалое напряжение.

Шиноби Конохи знали, что обман раскроют, если Хизаши снимет протектор и обнажит скрытую печать.

— Даже после смерти я принадлежу у Листу. Я бы предпочел умереть, зная, что прослужил деревне до самого конца, поэтому, пожалуйста, позвольте мне сохранить хитай-ате до тех пор, пока последний вздох не сорвется с моих губ. — «Хиаши» хладнокровно ответил, не теряя ни секунды.

Посол на мгновение задумался, прежде чем молча кивнуть.

«Хиаши» церемониально опустился на колени на пол рядом со свитком с печатью и закрыл глаза, как будто в медитации. Долгое мгновение в воздухе царила гробовая тишина, прежде чем Какаши в собачьей маске решил начать готовиться к неизбежному.

Однако Хокаге остановил его.

— Я сделаю необходимое сам. Это моя ответственность. — Мрачно сказал он, становясь позади «Хиаши», взяв у АНБУ маленький шприц для быстрой инъекции.

Затем он крепко схватил коленопреклоненного мужчину за плечо и наклонился к его уху.

— Я искренне сожалею, что допустил это. Ты получишь самые высокие почести, и твой клан навсегда запомнит тебя как героя. — Прошептал Хирузен, слегка дрогнувшим.

Хизаши кивнул с безмятежным выражением лица, прежде чем почувствовал небольшой укол в основании шеи.

Успокаивающее онемение в одночасье растеклось по всему телу.

Его последние мысли были о старшем брате и племянницах, о покойной жене и, наконец, о сыне.

Он позволил легкой улыбке украсить свое лицо.

Всего за три секунды его тело обмякло в хватке Хокаге, лишенное всякой жизни.

Хьюга Хизаши только что ушел из жизни мгновенно и безболезненно, как герой своего клана и деревни.

Сарутоби Хирузен молча и осторожно положил тело на запечатывающую фуин дрожащими руками.

После минутного молчания из уважения он медленно снял хитай-ате. Печать исчезла, уже завершив свое дело, запечатав бьякуган Хизаши и все его секреты.

Затем Третий запечатал тело в свиток с громким «пуф».

Посол молча подошел к столу, чтобы подписать заявление.

Когда мужчина положил ручку и обернулся, он вскрикнул от удивления — чья-то рука внезапно схватила его за шею и швырнула в стену, пробив ее.

Посол пытался издать сдавленный крик, но оцепенел от одного только взгляда Хокаге и сфокусированного желания убить.

Лицо Хирузена было старым и морщинистым, но его глаза выглядели злобными, холодными и расчетливыми, как будто это были глаза самого Шинигами, смотрящего на новую душу и размышлявшего — как бы ее съесть.

Посол почувствовал, что действительно может умереть.